

Лев НЕЦВЕТАЕВ

ПУШКИНСКАЯ КИБИТКА

Взгляни в окно трамвая и забудь
 Никчёмные обиды и обидки –
 Ведь ты сейчас пересекаешь путь
 Неутомимой пушкинской кибитки.
 Что видел он в окошечко? Пожар
 Листвы осенней, серые заборы,
 Бредущих в церковь или на базар
 Прохожих невнимательные взоры.
 А сам он как? Спокойно ли ему
 Сиделось, или ёрзал в нетерпении
 Размяться, окунуться в кутерьму
 Беспечного застольного общенья?
 Неведомо. Но ты представь, как он –
 Всамделишный, курчавый, белозубый,
 Задумчиво покусывая губы,
 Проплыл незримо через твой вагон.

ДОРОГА
 НА ПУШКИНСКИЙ ПРАЗДНИК
 В ЯЗЫКОВО

Как всегда, толчея, разговоры,
 Но, качнувшись, автобус пошел,
 Волоча за собою просторы
 И заплатки безрадостных сел.

Здесь когда-то петлей на аркане
 Проносился кочевников шквал;
 Не забыл ли их стертый веками,
 Полынком зарастающий вал?

Ну, а разве забудем об этом
 И в довольство свое не причтем,
 Что кибитка с великим поэтом
 Этим самым катила путем?

Отодвинув сатин занавески,
 Он, к окошку подавшись плечом,
 Видел те же холмы, перелески...
 Что он думал? О ком и о чем?

Этот вал был, конечно же, выше,
 Змеем гребня вдоль тракта лежал.
 Я не верю, что Пушкин не вышел
 И на спину его не взбежал.

А вот здесь, у Тагая, всем скопом,
 В полной мере предвидя беду,
 Дружно рыли сельчане окопы
 В роковом сорок первом году.

Все хлебнули горячего лиха,
 Пусть сюда не добрались бои...
 Здравствуй, Пластова мать – Прислониха!
 Славьтесь, серые крыши твои!

Буйство зелени, праздник природы;
 Лето только вступает в права.
 На задворках цветут огороды,
 На лугах – молодая трава.

Холм покат, как спина у слоники,
 Вон и стадо пестреет на нем...
 Но глаза у певца Прислонихи
 Не зажгутся азартным огнем.

Что-то шепчет речная осока,
 Ветер грустно коснется лица...
 Крест дубовый вознесся высоко
 Над последним покоем певца.

Присмирив, ненадолго затихнув,
 Вновь глазами в окошки свои;
 И Языково скоро окликнет
 Темным облаком парка вдали.

СИМБИРСКАЯ ГОРА

Как высока Симбирская гора!
 Как широки распахнутые дали!
 Здесь с матушкой-Историей игра
 Добром и ладом кончится едва ли.
 Здесь Разин бился, и второй смутьян
 Прошел, как смерч, грозя кровавым иском;
 Но оба: и Степан, и Емельян
 Безжалостно помечены Симбирском.
 Один разбит, другой, как дикий зверь,
 Сидел в железной клетке, огрызаясь;
 А впереди темно – поди проверь,
 Какого бунта где-то зреет завязь?
 Пока надолго стихло. Государь
 Умен и строг, безумцы поумнели.
 Да первому, признаемся, не мне ли
 Мозги прочистил памятный декабрь?
 Пять виселиц – увы... Зато толпа
 Не кинулась на вечные святыни.
 А если бы мне зайца и попа
 Господь не сунул – где бы был я ныне?
 ...Гора крута и дышится легко,
 И Волга размахнулась на полсвета,
 Струя свое живое молоко,
 Вспоившее философов-поэтов.
 При виде этих высей и равнин
 И на Хвостова-графа стих накатит;
 А тут певцы: Языков, Карамзин
 И Дмитриев... На пол-Европы хватит!
 Провинция! Ты тем и хороша,
 Что нет нужды в великосветской гонке,
 Что ты живешь, как хочешь, и душа
 Чиста, как лик святого на иконке.
 Вернусь – опять начнется маета:
 Приемы в свете, займы, корректуры...
 Расходов тьма, а денег – ни черта
 У первого столпа литературы.
 А здесь – струится вольная вода,
 И ширь, с которой век бы не расстался...
 – Да, да, сейчас. Я с вами, господа.
 Простите – я немного замечтался.
 ...Сентябрьские лучи отраду льют
 На тихие заволжские опушки.
 Венец. Гуляет редкий праздный люд,
 И кто-то шепчет: «Боже, это – Пушкин!»